

УДК 94(47).084.3+94(47).084.5+94(47).084.6

Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов)

Ф. Л. Сеницын

Сеницын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный университет по землеустройству, Москва, permcavt@gmail.com

На рубеже 1920–1930-х гг. программа модернизации в СССР носила форсированный характер. В «кочевых» регионах страны она приняла форму перевода кочевников на оседлость с попутной коллективизацией. Завершение этих процессов по задумке властей должно было решить не только задачи модернизации страны, но и проблемы, связанные с наличием в СССР «кочевой» цивилизации, которая не контролировалась государством и не стремилась к советизации. Модернизация «кочевых» регионов преследовала цели и задачи, которые лежали в политической, экономической и демографической плоскостях.

Ключевые слова: кочевые народы, СССР, модернизация, коллективизация, оседлость, Казахстан.

Accelerated Modernization of the “Nomadic” Regions of the USSR: Goals and Objectives (on the Turn of the 1920s and 1930s)

F. L. Sinitsyn

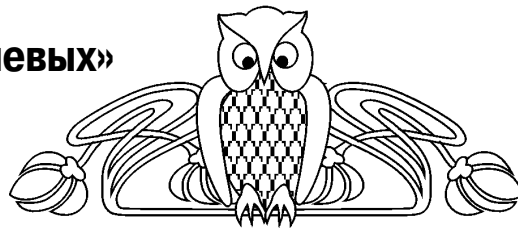
Fedor L. Sinitsyn, <https://orcid.org/0000-003-2299-204X>, State University for Land Management, 15 Kazakova St., Moscow 105064, Russia, permcavt@gmail.com

At the turn of the 1920s and 1930s, the modernization program in the USSR took an accelerated character. In the “nomadic” regions of the country, it took the form of sedentarizing nomads along with collectivization. The completion of these processes, according to the authorities, was to solve not only the problems of modernization of the country, but also the problems associated with the presence of a “nomadic civilization” in the USSR, which was not controlled by the state and was unyielding to Sovietization. Modernization of the “nomadic” regions pursued goals and objectives that laid in the spheres of policy, economy, and demography.

Keywords: Nomadic Peoples, USSR, Modernization, Collectivization, Sedentarization, Kazakhstan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>

Политика Советского государства по отношению к «кочевой цивилизации» в целом недостаточно освещена в исторической науке. В советский период считалось, что перевод кочевников на оседлость и их коллективизация были исторически обусловлены и воспринимались основной массой кочевого населения положительно¹. С конца 1980-х гг. ситуация, сложившаяся в «кочевых» регионах СССР, рассматривалась в отечественной историографии более критически². Зарубежные историки также издают труды,

в которых анализируют принудительный перевод кочевников на оседлость, причины и последствия голода в Казахстане³. Однако цели и задачи перехода Советского государства к форсированной модернизации «кочевых» регионов до сих пор остаются лишь фрагментарно изученными.

Причин ускорения модернизации на рубеже 1920–1930-х гг. было несколько, и мы их рассмотрим в приложении к «кочевым» регионам. Во-первых, это убежденность советских властей в наличии непосредственной и близкой внешней опасности для страны. Ожидалось нападение «империалистического блока», в том числе Великобритании, на западные, южные и восточные границы СССР через территорию Персии и Китая в Средней Азии и на Дальнем Востоке⁴, т. е. непосредственно на советские «кочевые» регионы – Казахстан, Киргизию, Туркмению и Бурятию.

В дальнейшем ситуация вокруг восточных и южных границ СССР ухудшилась. В 1929 г. произошел советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД, охвативший многие области Маньчжурии. Сохранялась опасность китайской интервенции на территорию главного в те годы союзника СССР – МНР⁵.

В китайском Синьцзяне, пограничном с советскими Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, начались восстания мусульманского населения, направленные против власти Пекина. Хотя отношения СССР с властями этого китайского региона оставались нормальными, тем не менее, советская разведка считала, что в Синьцзяне имели свой интерес Великобритания и Япония. В граничащем с советской Средней Азией Афганистане в конце 1928 г. произошел государственный переворот, в результате которого был свергнут дружественный СССР король Аманулла-хан и к власти пришел Мухаммед Надир-шах, ориентированный на Великобританию. Сильное британское экономическое и политическое влияние продолжало иметь место в Персии⁶.

С начала 1930-х гг., пожалуй, главную роль в восточной политике СССР стал играть японский фактор. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию и нацеливалась на МНР. В июне 1933 г. советская разведка докладывала о возможности нападения Японии на СССР и МНР при участии белогвардейских отрядов, войск Внутренней Монголии и хунхузов⁷.

Во-вторых, форсированная модернизация СССР имела экономические причины, в том числе связанные с подготовкой к войне. Для «кочевых» регионов это в первую очередь означало необходимость кардинальной реконструкции сельского хозяйства с целью увеличения производства хлопка, зерна и мясо-молочной продукции.

Как известно, хлопок применяется для изготовления тканей, а в условиях подготовки к войне – для производства пороха. В 1920-х гг. правительство СССР поставило задачу освободиться от необходимости иностранных поставок хлопка. Для этого необходимо было существенно расширить свои хлопковые площади⁸ за счет вытеснения других сельскохозяйственных культур⁹. Хлопка нужно было настолько много, что власти Советского Союза даже пытались развивать его производство в Афганистане и западном Китае (Синьцзяне). Кроме того, это должно было дать и политические дивиденды, включая «замирение смежных... районов» Афганистана¹⁰, что было важным в условиях постоянного трансграничного кочевья.

Одновременно необходимо было максимизировать производство зерна¹¹. Цель этой программы, во-первых, заключалась в заготовке хлеба для нужд развернутой в конце 1920-х гг. широкомасштабной индустриализации страны¹². На юге же СССР нужно было обеспечить «бесперебойное и достаточное снабжение» хлебом «хлопковых» районов¹³. Во-вторых, зерно было нужно для продажи его за рубеж с целью получения финансов, технологий и машин для индустриализации страны.

Еще одна экономическая причина форсирования модернизации «кочевых регионов» – необходимость максимального изъятия производимой животноводческой продукции в пользу города, а также «зерновых» и «хлопковых» районов¹⁴. Руководитель Казахстана – крупнейшего «кочевого» региона СССР – Ф. И. Голощекин провозгласил, что поскольку в стране установлена пролетарская диктатура, то приоритетом является «снабжение рабочего класса», и задача Казахстана – «снабдить рабочих мясом»¹⁵. Однако ее выполнению мешало то обстоятельство, что к концу 1920-х гг. в СССР был выявлен огромный сдвиг в распределении валового внутреннего продукта в пользу личного потребления и, соответственно, в ущерб накоплению и обороне¹⁶. Для «кочевых» регионов эта проблема была более чем актуальной. 29 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП (б) Ф. И. Голощекин заявил: «У нас животноводством занимается казакское (имеются в виду казахи. – Ф. С.) население, которое хлеба не сеет... При отсутствии хлебоснабжения происходит оседание продукции: раз нет хлеба, едят больше мяса, пьют больше молока»¹⁷. В связи с этим власти поставили задачу максимизировать изъятие у кочевников производимой ими продук-

ции (мясо, молоко, кожи, шкуры, шерсть и пр.). В обмен кочевникам обещали снабжение хлебом (власти считали, что кочевники, которые занимаются исключительно скотоводством, «постоянно нуждаются в хлебе»¹⁸), а также централизованно и планомерно произведенными промышленными товарами.

В-третьих, для модернизации «кочевых» регионов большую роль играли экономико-демографические причины. В середине 1920-х гг. эти территории стали объектом общегосударственной программы переселения, одной из целей которой было развитие зернового хозяйства¹⁹. На декабрьском 1929 г. пленуме Казахского крайкома ВКП (б) было одобрено выделение 90 тыс. земельных долей для переселенцев с увеличением этого числа к концу пятилетки до 500 тыс. долей²⁰. Проведение такого массового освоения степных территорий было достижимо только после «освобождения» ее от кочевников²¹.

В-четвертых, модернизация «кочевых» регионов была нацелена на формирование пролетариата для нужд индустриализации и одновременно на развитие промышленности на бывших «кочевых» территориях. Казахстан был признан регионом, где «неизмеримо богаты запасы каменного угля, цветных металлов и пр.»²². В Калмыкии одной из главных возможностей поднять уровень экономики региона считалось развитие рыбной промышленности²³.

Свое практическое воплощение модернизация на «кочевых» территориях, как и в других регионах СССР, получила в коллективизации сельского хозяйства. Однако здесь коллективизация имела свою особенность: ее было решено осуществить при одновременном переводе кочевников на оседлость²⁴. Таким образом, ни о каких «кочевых колхозах», создание которых в 1920-х гг. предлагали отдельные ученые, более не могло идти речи. Коллективизация означала полную ликвидацию кочевания и крах всей «кочевой цивилизации».

Программа перевода кочевников на оседлость с одновременной коллективизацией была развернута в разных «кочевых» регионах (так, например, в Горном Алтае такой курс был взят уже с июля 1929 г.). Однако «флагманом форсирования» стал самый большой из них – Казахстан.

По сталинскому плану коллективизацию в Казахстане нужно было закончить весной 1932 г. кроме кочевых и полукочевых районов. Однако местные власти решили этот план «перевыполнить»²⁵. Здесь «кстати» пришлась программа первого секретаря крайкома ВКП (б) Ф. И. Голощекина по советизации кочевий («Малый Октябрь»), которую он пытался воплотить фактически с самого начала своей деятельности в регионе (1925 г.). Эти идеи также разделяли соратники Ф. И. Голощекина, в том числе второй секретарь крайкома ВКП (б) И. Курамысов и председатель СНК Казахстана У. Д. Исаев²⁶.

В декабре 1929 г. на пленуме Казахского крайкома ВКП (б) был поставлен вопрос о форсировании перевода кочевников на оседлость, а также «освоения огромных пахотоспособных, но не освоенных площадей»²⁷. Использование этих территорий кочевниками власти не учитывали, равно как и полную непригодность многих районов для земледелия.

Программа перевода на оседлость с одно-временной коллективизацией была санкционирована из центра – в частности, в принятом СНК СССР 16 февраля 1930 г. постановлении о планах развития народного хозяйства Казахстана²⁸.

Цели и направления программы форсированной модернизации «кочевых» регионов через перевод кочевников на оседлость с попутной коллективизацией находились в русле общих причин модернизации, о которых было сказано выше. Во-первых, обоседление рассматривалось как «один из факторов поднятия и развития нашей экономики»²⁹, так как «экстенсивное кочевое хозяйство... исключает возможность роста в нем социалистических элементов и направляет его развитие по капиталистическому пути»³⁰. Такое утверждение звучало противоречиво, поскольку ранее власти утверждали, что в кочевых регионах царят феодализм и отсталость. Здесь же говорилось о развитии кочевой экономики – причем, не по феодальному, а по капиталистическому, то есть достаточно «продвинутому» пути.

Оседание кочевников имело своей целью расширение земледелия. Освоение степи под зерновые и технические культуры предполагалось реализовать путем «наступления на неиспользованные целинные пространства пахотоспособных земель» (в таких высказываниях прослеживается риторика войны с природой. – Ф. С.). Во вновь созданных земледельческих предприятиях в Казахстане должны были работать вчерашние кочевники, став новой «пролетарской армией»³¹. Председатель ЦИК Казахстана Е. Ерназаров отмечал, что оседание как раз и «заключается в том, чтобы суметь посеять и прикрепить к земле»³².

Известно, что ученые еще в 1920-х гг. пришли к выводу о том, что черноземные степи пригодны для выращивания яровой пшеницы³³. При этом в Казахстане и Каракалпакии к 1930 г. «по назначению» было использовано менее половины территории, пригодной для земледелия³⁴. Однако вся эта «незанятая» и пригодная для земледелия площадь составляла не более 10–15 % от территории региона, но никак не все земли, на которых вели свое хозяйство кочевники.

Некоторые бывшие «кочевые» территории предполагалось использовать под выращивание хлопка. Планировалось, что вывоз хлопка-волокна из Казахстана в 1932–1933 гг. составит не менее 53,1 тыс. т.³⁵ В Средней Азии хлопок должен был максимально вытеснить злаковые культуры на поливных площадях³⁶, что и произошло. Че-

рез несколько десятков лет это привело к разбору почти всей воды из Амударьи и Сырдарьи и обмелению Аральского моря. В случае сохранения скотоводства или даже выращивания зерновых либо других культур, которые требуют намного меньше воды и правильно построенной системы ирригации, такого наверняка бы не произошло.

Власти уверяли, что животноводство при оседании не пострадает, так как последнее повлечет «значительное увеличение стада»³⁷. На практике это оказалось не так. Зампредседателя СНК Казахстана У. Д. Кулумбетов говорил об оседании с сохранением сезонных откочевок, правда, с сокращением радиуса³⁸. Таким образом, власти хотели достичь сразу двух целей – сделать из кочевников земледельцев и одновременно сохранить животноводство.

Кроме того, часть бывших кочевников должна была войти в состав промышленного пролетариата³⁹. В советском лексиконе даже появился специальный термин «оседание в промышленности», который является несколько абсурдным, т. к. «оседание» кочевника в классическом варианте предполагает сохранение его принадлежности к сельскому хозяйству.

Оседание кочевников приводило также к «освобождению» территории для строительства промышленных предприятий, шахт, создания карьеров по добыче полезных ископаемых и пр.

Перевод кочевников на оседлость должен был стать финальным аккордом затянувшейся и не удававшейся советизации «кочевых» регионов. Группа экспертов ВЦИК, изучившая ситуацию в Казахстане в 1930 г., сделала вывод, согласно которому «власть феодально-родовых пережитков, коренящихся в самой форме кочевого быта... представляет собою непреодолимые препятствия для хозяйственного прогресса и хозяйственного переустройства аула»⁴⁰. Это совпало с мнением местных властей: «При кочевом образе жизни, при расселении 3–5–10 кибитками не может быть серьезной речи о школе, клубе, больнице, учителе, агрономе, ветвраче, театре, кино и даже бане»⁴¹. Ф. И. Голощекин, давно развернувший борьбу с родовыми властителями (баями), приказал «нанести удар родовым отношениям»⁴² – очевидно, удар финальный. Он проорочествовал: «Старый, отсталый, кочевой, полукочевой аул умирает, должен умереть. На его место должен прийти, приходит новый... колхозный аул с поселковым расселением, с европейского типа строениями, с животноводческим хозяйством типа товарных ферм»⁴³.

Перевод кочевников на оседлость власти считали одним из направлений национальной политики, так как оседание «способствует ликвидации фактического национального неравенства и уничтожает сохранившуюся местами национальную рознь»⁴⁴. Кроме того, власти предвкушали эффект, который форсированное оседание кочевников в СССР должно было про-

известии в международном масштабе⁴⁵.

Все цели и задачи форсированного перевода кочевников на оседлость были взаимосвязаны. Власти планировали, что «не дальше, как в 1933 году Казакстан, бывшая царская колония, будет краем сплошной цивилизации»⁴⁶. Другие «кочевые» регионы имели такую же перспективу.

Таким образом, в 1929 г. в СССР был взят курс на форсированную модернизацию его «кочевых» регионов, которая приняла форму перевода кочевников на оседлость с одновременной коллективизацией. Этот процесс, по задумке властей, должен был решить и проблемы, связанные с наличием в СССР несоветизированных кочевий, и задачи модернизации страны. Власти безоговорочно отвергли идеи и предложения об осторожном отношении к «кочевой цивилизации», которые в 1920-х гг. выдвигали многие советские ученые.

Причиной такого решения послужили, во-первых, политические причины, а именно несовместимость кочевой цивилизации с советской властью. Сила традиций и власть родовых «авторитетов» оказались сильнее. До революции было проще: власти Российской империи могли действовать через родовых властителей, в связке с ними. Для Советского государства это было неприемлемо, так как родовые «авторитеты» являлись для него «классовым врагом». Поэтому был выбран путь разрушения несоветского, традиционного кочевого общества. Предполагалось, что обоседление разрушит власть родовых «авторитетов» и поставит бывших кочевников под контроль.

Кроме того, перевод кочевников на оседлость для властей означал улучшение обороноспособности страны: население оказывалось под контролем, прекращались несанкционированные кочевания внутри страны и за границу, легче стало бы осуществлять мобилизацию в Красную армию.

Во-вторых, существовали экономические причины. В Казахстане и большинстве других «кочевых» регионов производству зерна принадлежал приоритет перед животноводством. В Средней Азии преимущество получил хлопок, за счет которого вытеснялись зерновые и другие культуры. Эти культуры «уходили» в северные «кочевые» районы, вытесняя животноводство.

Власти СССР решили, что зерно для обеспечения продовольственной безопасности и обороноспособности страны важнее. Очевидно, потому, что хранение и перевозка мяса требуют расходов и специальных условий (охлаждение или заморозка). У сырого мяса короткий срок хранения (как и у молочных продуктов). Хотя для увеличения этого срока еще в XIX в. было изобретено консервирование (в том числе, «тушенка»), переработка мяса требует существенных затрат. Зерно можно перевозить и хранить

без всякой переработки и заморозки, а срок его использования при правильном хранении, составляет до 6 лет.

Еще одна экономическая причина перевода кочевников на оседлость заключалась в том, что ликвидация родовых «авторитетов», которые одновременно являлись наиболее зажиточным слоем кочевников, фактически означала их ликвидацию, ведь кочуют только имущие – без наличия достаточного количества скота кочевать не имеет никакого смысла.

В-третьих, имели место политико-демографические причины (они же и политические). Программа переселения в «кочевые» регионы была связана с проблемой военной опасности. Заселение этих территорий более «надежными» и «советизированными» европейцами, с точки зрения властей, могло способствовать улучшению обороноспособности страны.

Руководство Казахстана было закоперщиком форсированного обоседления и коллективизации кочевников. Во-первых, это был самый большой по территории и населению «кочевой» регион, имевший важное стратегическое положение. Однако кочевое население здесь было практически «недоукомплектовано» для власти и «несоветизировано». Во-вторых, на решение «кочевой проблемы» наложились личные амбиции Ф. И. Голощекина. Именно это привело к известным трагическим последствиям форсированной модернизации Казахстана, включая голод, гибель и массовую откочевку населения в 1930–1933 гг.

Примечания

- 1 См., напр.: *Турсунбаев А.* Опыт перехода от нómáдизма к оседлости // *Формы и методы преодоления экономической отсталости: Из исторического опыта советских республик Востока.* М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1972. С. 73–90.
- 2 См., напр.: *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской власти 1920–1930-х гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики.* 2015. № 6, ч. II. С. 92–95.
- 3 См., напр.: *Киндлер Р.* Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: РОССПЭН, 2017.
- 4 См.: *Цыплин В. Г.* К вопросу о потенциальных противниках СССР в возможной войне в 1920-х годах // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. «История. Международные отношения».* 2012. Т. 12, вып. 1. С. 70, 72.
- 5 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 116. Л. 66.
- 6 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25871. Оп. 3. Д. 22. Л. 12–13; Ф. 25895. Оп. 1. Д. 862. Л. 17.
- 7 Там же. Ф. 25871. Оп. 3. Д. 22. Л. 14, 54, 61.

- ⁸ См.: Бушурев М. Итоги борьбы за сырьевую независимость СССР по производству текстильного сырья и удельный вес хлопка в соотношении прядильных волокон на 2-е пятилетие // Материалы к всесоюзной конференции по земледелию и переработке растительного сырья. М. : [б. и.], 1932. С. 14.
- ⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 204–206.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 61, 63.
- ¹¹ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
- ¹² См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 209.
- ¹³ См.: Кенарский Л. В. Хлопководство в КССР // Народное хозяйство Казакстана (далее – НХК). 1926. № 1. С. 39–40.
- ¹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 205.
- ¹⁵ Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи текущего момента // НХК. 1931. № 8–9. С. 12, 16.
- ¹⁶ См.: Ханин Г. И., Фомин Д. А. Сталинская коллективизация и советская модернизация // Свободная мысль. 2015. № 6. С. 72.
- ¹⁷ Голощекин Ф. И. Казакстан на подъеме // НХК. 1930. № 5–6. С. 21.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 873. Л. 35.
- ¹⁹ См.: Огановский Н. Проблема развития зернового хозяйства // Экономическое обозрение. 1928. № 1. С. 40–41.
- ²⁰ См.: Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казакстане (1917–1991 годы) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 282.
- ²¹ См.: Поднек А., Павлов К. Казакстан в системе народного хозяйства СССР. Алма-Ата : Крайиздат, 1930. С. 24.
- ²² Полочанский Е. А. За новый аул-Кстау. М. : Казах. представительство, 1926. С. 9.
- ²³ См.: Бугаев А. И. Калмыкия в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007. С. 19.
- ²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 571. Л. 8.
- ²⁵ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казакстанская трагедия // Вопросы истории (далее – ВИ). 1989. № 7. С. 53.
- ²⁶ См.: Киндлер Р. Указ. соч. С. 157.
- ²⁷ Казиев С. Ш. Указ. соч. С. 279.
- ²⁸ См.: Турсунбаев А. Указ. соч. С. 83–84.
- ²⁹ Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 375. Л. 155.
- ³⁰ Зверяков И. А. От кочевания к социализму. Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1932. С. 52.
- ³¹ Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата : Госиздат РСФСР. Казах. Краев. отд-ние, 1930. С. 46.
- ³² [Е.] Ерназаров. Оседание в Казакстане. М. ; Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1931. С. 9–10.
- ³³ См.: Огановский Н. Указ. соч. С. 38, 42.
- ³⁴ См.: Черданцев Г. Н. Казакстан. М., 1930. С. 15.
- ³⁵ Там же. С. 201.
- ³⁶ См.: Рыскулов Т. Турксиб. М. ; Л., 1930. С. 42.
- ³⁷ См.: Зверяков И. А. Указ. соч. С. 37.
- ³⁸ См.: Киндлер Р. Указ. соч. С. 161.
- ³⁹ См.: Бадмаева Е. Н. Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства : опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии). Элиста : КИГИ РАН, 2016. С. 24.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ⁴¹ Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных... С. 48.
- ⁴² Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи. Доклад секретаря крайкома ВКП (б) на III Алма-Атинской горпартконференции. Алма-Аты : Контора краевой газеты Казакстана, 1931. С. 7.
- ⁴³ Голощекин Ф. И. Еще раз о путях развития животноводства и об оппортунистах на этом фронте // НХК. 1931. № 8–9. С. 28.
- ⁴⁴ Зверяков И. А. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁵ Голощекин Ф. И. Казакстан на подъеме. Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1931. С. 19.
- ⁴⁶ Жалнин И. Очередные задачи колхозного движения в Казакстане // НХК. 1931. № 8–9. С. 106.

Образец для цитирования:

Синицын Ф. Л. Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 446–450. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>

Cite this article as:

Sinitsyn F. L. Accelerated Modernization of the “Nomadic” Regions of the USSR: Goals and Objectives (on the Turn of the 1920s and 1930s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 446–450 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>